
ОБЩЕСТВО И ЭКОЛОГИЯ

Раздельный сбор бытовых отходов в России: уровень, факторы и потенциал включения населения¹

М.А. ШАБАНОВА

***Марина Андриановна Шабанова** – доктор социологических наук, профессор, Департамент прикладной экономики, Факультет экономических наук; ведущий научный сотрудник, Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Москва, Мясницкая ул., д. 20. E-mail: mshabanova@hse.ru

Цитирование: Шабанова М.А. (2019) Раздельный сбор бытовых отходов в России: уровень, факторы и потенциал включения населения // Мир России. Т. 28. № 3. С. 88–112. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-3-88-112

В статье по результатам двух репрезентативных исследований (2014 г., 2017 г.) представлены данные об уровнях реального и потенциального включения россиян в практику раздельного сбора бытовых отходов (РСБО). С помощью аппарата мультиномиальной логит-регрессии определены факторы, влияющие на попадание индивидов в группы с разной позицией в отношении РСБО. Показано, что, хотя потенциал энтузиастов-первопроходцев практически исчерпан, заявления о неготовности массовых групп россиян к этой практике являются мифом. При этом потенциальные участники предъявляют более сложные запросы на условия своего вхождения в данную практику. На этой основе делается вывод о потенциале и мерах по расширению участия россиян в РСБО.

Ключевые слова: раздельный сбор бытовых отходов, этичное потребление, экологическая ответственность потребителей, устойчивое развитие

¹ Статья подготовлена на основе результатов исследования, проведенного автором в Центре исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Постановка проблемы

Проблема обращения с бытовыми отходами в России обостряется с каждым годом. По данным Минприроды РФ, каждый россиянин производит примерно 400 кг мусора в год², однако из этого количества перерабатывается только 4–5%. Основная часть мусора отправляется на свалки – официальные и стихийные, которые не только занимают большие территории (более 4 млн га [Что делать 2016, с. 8]), но и отравляют почву, воду и воздух. Об актуальности этой проблемы свидетельствуют «мусорные бунты», прокатившиеся по разным городам в 2018 г. В развитых странах переработка с предварительной сортировкой отходов на отдельные фракции признана самым безопасным для природы и здоровья населения, а также экономически эффективным способом борьбы с мусором [Hoornweg, Bhada-Tata 2012, р. 27]. Неслучайно за последние десятилетия ими сделан значительный рывок в уровне переработки и компостирования бытовых отходов. Так, страны Евросоюза поднялись в среднем с отметки 17% (1995 г.) до 46% (2016 г.)³, причем некоторые из них намного превысили этот показатель: Германия – 66,1%, Австрия – 57,6%, Бельгия – 53,5%, Нидерланды – 53,1%, Швейцария – 52,5%⁴. В России же, несмотря на неоднократные попытки внедрить систему раздельного сбора бытовых отходов в советский и постсоветский периоды в разных регионах и поселениях (сбор макулатуры в школах, отдельные контейнеры для пищевых и прочих отходов, стационарные и мобильные пункты сбора разделенных твердых отходов и прочее), а также новую волну инициатив со стороны власти в последние годы, заметных продвижений в институционализации этой практики до сих пор нет. Это сигнализирует о наличии серьезных несоответствий (сбоев) в социальном механизме ее формирования, причем слабым звеном в этом механизме чаще всего объявляется население. Но действительно ли это так?

В отличие от развитых стран, где мотивы и факторы участия населения в этичной утилизации бытовых отходов хорошо изучены, в России эти исследования носят пока единичный характер. Какая часть россиян в современных условиях уже регулярно участвует в РСБО? От каких факторов это зависит? Какова роль соображений личной или общественной выгоды при включении в эту практику? При каких условиях остальная часть россиян готова включиться в эту практику? Вот основные вопросы, которые будут находиться в центре нашего внимания.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении уровня, динамики (2014–2017 гг.), а также факторов и условий включения (готовности включиться) россиян в практику раздельного сбора бытовых отходов (РСБО), что позволит определить потенциал и условия расширения этой практики в России.

² <http://www.mnr.gov.ru/press/news/> (от 24 мая 2017 г.)

³ In 2012, 42% of Treated Municipal Waste Was Recycled or Composted (2014) // Eurostat, March 25, 2014 // <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/5180394/8-25032014-AP-EN.PDF/a266b63d-3fb3-4b27-8a97-4d4c44c600c1?version=1.0>

⁴ Recycling Rate of Municipal Waste // Eurostat // http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&pcode=sdg_11_60

Теоретико-методологические основания и результаты исследований

Проблема формирования этичной утилизации бытовых отходов носит системный характер и для своего осмысления требует интеграции усилий представителей разных наук, в первую очередь экономистов, социологов и психологов. Для понимания природы, условий и потенциала развития этой практики в разных институциональных и культурных средах продуктивными представляются разные версии моральной (социальной, этической) экономики, акцентирующие как роль морально-культурных факторов в экономической жизни, так и важность приложения экономического подхода к осмыслению социальных феноменов (см., напр., [Sayer 2007; Козловски 1999; Sen 1987; 2005; Etzioni 1988; Etzioni 2003; Vanberg 2008; Шабанова 2012]). Этичная утилизация отходов – заключительная стадия этичного потребления, и последнее невозможно без первого. В случае этичного потребления индивид принимает во внимание не только краткосрочные цели (соотношение цены и качества, удобство и прочее), но и долгосрочные последствия своих решений, учитывает интересы нынешних и будущих поколений [Starr 2009; Шабанова 2015].

Включение в РСБО сопряжено с определенными дополнительными усилиями (сортировка, очистка, доставка), неудобствами со стороны индивидов (домохозяйств) и в условиях отсутствия поощрений и санкций (как в современном российском контексте) является сугубо добровольной практикой. Поскольку *индивидам* одновременно присущи как эгоистические, так и морально-культурные устремления, которые могут находиться в конфликте друг с другом [Etzioni 2003, p. 115], то заметные дополнительные усилия на первых порах предпринимает лишь малая часть энтузиастов с просоциальными и эко-дружественными ценностями и установками. Основная же часть, скорее, включится в эту практику только при отсутствии заметных неудобств (издержек), точнее, когда последние не будут превышать выгоды от включения в РСБО.

Иногда препятствия (требуемые «жертвы») на этом пути настолько велики, что даже индивиды, озабоченные состоянием окружающей среды и сочувствующие людям, проживающим вблизи мусорных свалок, воздерживаются от включения в РСБО. Не случайно, по результатам исследований как в развитых, так и в развивающихся странах, ключевая роль в формировании этой практики отводится инфраструктурным и институциональным факторам [Kirakozian 2016; Chu, Wang W., Wang B., Zhuang 2016; Miafodzzyeva, Brandt 2013]. В первую очередь это установка контейнеров для сортировки отходов на определенное число фракций (которое отличается друг от друга в разных странах и городах), их доступность, альтернативные схемы сбора отходов, определяющие объем необходимых усилий, затраты времени и степень удобства (напр., [Halvorsen 2008; Dahlen, Vukicevic, Meijer, Lagerkvist 2007; Afroz, Hanaki, Tuddin, Ayup 2010; Jenkins, Martinez, Palmer, Podolsky 2003; Gonzalez-Torre, Adenso-Diaz 2005]). Другой ключевой фактор – просвещенность и информированность населения, включая сведения не только общего, но и конкретного характера: как правильно сортировать отходы, куда относить, как они перерабатываются и какую пользу индивиды тем самым приносят в общее благо [Iyer, Kashyap 2007; Refsgaard, Magnussen 2008; Robinson, Read 2005; Kirakozian 2016]. Значимая, но все же, пожалуй, меньшая роль отводится матери-

альным стимулам и санкциям [Jenkins, Martinez, Palmer, Podolsky 2003; Dijkgraaf, Gradus 2004; Shaw, Maynard 2008; Owusu, Adjei-Addo, Sundberg 2013; Kirakozian 2016]. Все эти факторы вносят значимый вклад как в соотношение издержек и выгод индивидов, так и в степень добровольности/вынужденности их включения в РСБО.

Максимизация индивидуальной функции полезности при включении в практику РСБО может быть сопряжена с обретением выгод как экономического, так и неэкономического (социального, психологического) характера. В первом случае это дополнительный доход от сдачи отдельных видов отходов в специальные пункты, экономия на коммунальных платежах, компостирование пищевых отходов с целью последующего использования на удобрения в рамках домохозяйства и другое. Во втором – эффекты от социального престижа, поддержания авторитета или уважения со стороны соседей, а также ответственности (тревоги) за благосостояние нынешних и будущих поколений, включая повышение собственной самооценки от ответственного поведения. Просоциальное и эко-дружественное потребительское поведение необязательно предполагает какие-то самопожертвования со стороны индивидов [Sayer 2007, p. 264]. Во-первых, индивиды могут приносить выгоду обществу (сообществу), руководствуясь исключительно (или преимущественно) эгоистическими экономическими соображениями (например, покупка энергосберегающей бытовой техники и лампочек, чтобы сэкономить на коммунальных платежах, сбережение воды или электроэнергии по этой же причине, отказ от одноразовых пакетов в пользу многоразовых и/или тканевых сумок с целью экономии и прочее). Во-вторых, забота о благе других, входя в функцию индивидуальной полезности, может приносить дополнительное удовольствие индивиду. На пользу, приносимую индивидам такими добродетелями, как желание общественного блага, справедливость или человеколюбие, обращал внимание еще А. Смит [Смит 1997/1759, с. 190]. В наше время она присутствует в концепциях моральной экономики и органично интегрируется в экономический анализ в концепциях нечистого альтруизма с их «эффектом теплого свечения» [Andreoni 1990].

С одной стороны, включение в РСБО сопряжено с увеличением затрат времени: в норвежском исследовании затраты времени на человека в неделю в среднем составили 30 мин [Bruvoll, Halvorsen, Nyborg 2002, p. 340], в шведском – 49 мин [Berglund 2006, p. 564]. С другой стороны, принимая во внимание наличие моральных мотивов при включении в эту практику, авторы делают вывод, что время, затрачиваемое на нее, не может рассматриваться всецело как издержки. Фиксируемое при этом существенное отставание средней почасовой готовности заплатить другим людям, чтобы те сортировали бытовые отходы за индивидов, от почасового заработка последних связывают с наличием эффекта «теплого свечения» – положительными эмоциями, которые получают индивиды от самостоятельного личного вклада в сохранение окружающей среды [Berglund 2006]. Хотя, на наш взгляд, такое объяснение далеко не единственное, тем не менее трудно не согласиться с тем, что моральные мотивы способны существенно снижать издержки индивидов, связанные с участием в РСБО.

Неслучайно по-разному измеряемые общественно ориентированные предпочтения, просоциальные ценности и установки индивидов, экологическая озабоченность и ответственность обнаруживают значимую роль практически во всех эмпирических исследованиях этой практики (см., напр., [Miafodzzyeva, Brandt 2013;

Arbués, Villanúaba 2016; Iyer, Kashyap 2007; Kirakozian 2016]). Включая соображения нравственного характера (устойчивость, долг, сострадание, чувство вины, солидарность и другие) в пространство потребительского выбора [Stehr 2008], в том числе и на последней стадии потребления, какой является утилизация отходов, индивиды с помощью организации своего потребления отвечают на вопрос «кто я такой?», т.е. конструируют свою идентичность [Ильин 2002; Beck 2001; Trentmann 2007], повышают самооценку и получают удовольствие от своих действий.

В отношении роли других факторов результаты научных исследований неоднозначны, будь то специфика культурных норм в обществе (окружающем сообществе), социальное давление и социальный капитал [Ekere, Mugisha, Drake 2009; Videras, Owen, Conover, Wu 2012; Abbott, Nandeibam, O'Shea 2013; Crociata, Agovino, Sacco 2015; Czajkowski, Hanley, Nyborg 2017], роль материального [Kirakozian 2016; Arbués, Villanúaba 2016; Iyer, Kashyap 2007] или территориального статусов индивидов [Kirakozian 2016; Arbués, Villanúaba 2016], а также социально-демографических характеристик и уровня образования [Berghlund 2006; Meneses, Palacio 2005; Ekere, Mugisha, Drake 2009; Afroz, Hanaki, Tuddin, Ayup 2010; Arbués, Villanúaba 2016]. В отдельных странах и социальных группах сильно разнятся и такие важные для понимания несоответствий между установками на участие и реальным участием в той или иной новой практике феномены [Ajzen 1991], как воспринимаемая самоэффективность (*perceived self-efficacy*) и коллективная эффективность (*collective efficacy*). В первом случае речь идет об уверенности индивида в том, что он способен управлять событиями, воздействующими на его жизнь, а во втором – об уверенности индивидов в том, что общие усилия (группы, к которой они себя причисляют) могут привести к социальным переменам [Bandura 1995].

Неоднозначность полученных результатов в разных институциональных и культурных средах актуализирует проведение в каждом конкретном случае (стране) новых эмпирических исследований.

Гипотезы и данные

Для выявления потенциала и факторов расширения практики РСБО в России все респонденты разделены на три группы. К реальным участникам отнесены те, кто в настоящее время более-менее регулярно занимается РСБО, к потенциальным – те, кто намерен начать делать это в ближайшие год-два, а к индифферентным – те, кто не участвует сейчас и не намерен участвовать в ближайшие год-два.

Тестируются следующие основные гипотезы:

H1: Вероятность включения россиян в РСБО тем выше, чем в большей степени оно связывается с вкладом в улучшение экологии и другие просоциальные выгоды (т.е. чем выше у них так называемый зеленый моральный индекс). Преследование личного эгоистического интереса (экономического или неэкономического) в современных условиях не играет значимой роли.

В ряде зарубежных исследований РСБО зеленый моральный индекс содержит четыре основания: желание индивида ощущать себя ответственным человеком за состояние окружающей среды; стремление вносить вклад в улучшение экологии; уверенность в том, что это экономически выгодно для общества в целом;

стремление (старание) делать то, что, по мнению индивида, должны делать все (см., напр., [Berglund 2006, p. 564]). Преследование личного эгоистического интереса в настоящее время, вероятно, не имеет особого значения как из-за отсутствия социальных поощрений и санкций, так и по причине низких расценок на вторсырье.

Н2: Группы с разным отношением к РСБО различаются условиями включения в эту практику. Потенциальные участники предъявляют более высокие запросы в отношении как доступности инфраструктуры для РСБО, так и результативности функционирования системы РСБО в целом (а следовательно, и личной эффективности предполагаемых усилий).

В 2016–2017 г., по оценкам Гринпис России, в условиях доступной инфраструктуры для РСБО проживали лишь 9,2% жителей городов с населением свыше 100 тыс. чел.⁵ Но и в этом случае отдельные контейнеры часто бывали переполнены, у жителей не было уверенности в том, что рассортированные отходы будут переработаны, что, видимо, останавливает потенциальных участников и поднимает уровень их запросов на условия вхождения в эту практику.

Н3-Н5: В практику РСБО чаще включаются индивиды, придающие высокую значимость ценностям надындивидуального характера и имеющие социально ориентированные установки. Однако гораздо более важную роль играет опыт реализации этих установок, т.е. реальная просоциальная активность в самых разных сферах.

Поскольку РСБО в России в настоящее время является сугубо добровольной практикой гражданского общества, то в первую очередь она заинтересует индивидов с просоциальными ценностями и установками (Н3). Однако в условиях неразвитости инфраструктуры многие из них могут находить издержки включения слишком большими, и в первую очередь, вероятно, откликнутся индивиды, уже реально участвующие в тех или иных просоциальных и эко-дружественных практиках, а именно: чем активнее индивиды участвуют в самых разных солидарных практиках (денежные пожертвования, добровольческий бесплатный труд, передача вещей), т.е. чем выше у них индекс «многообразия солидарного участия», тем больше вероятность включения в РСБО (Н4). Чем активнее индивиды включены в эко-дружественные практики разового характера (благоустройство и очистка территории, посадка деревьев, расчистка лесов и другие экологические проекты, покупка товаров производителей с бережным отношением к окружающей среде), тем выше вероятность их включения в практику РСБО (Н5).

Исследование базируется на данных двух опросов (2 тыс. чел. в 2014 г., 2 тыс. чел. в 2017 г.), репрезентирующих население России по полу, возрасту и уровню образования⁶. Наряду с дескриптивным анализом, направленным на выявление динамики состава групп с разным отношением к РСБО, для оценки связей между разными факторами и попаданием индивидов в эти группы использовался аппарат мультиномиальной логит-регрессии (данные 2017 г.). Зависимая переменная принимала три возможных значения: 1 – реальный участник РСБО, 2 – потенциальный участник, 3 – индифферентный к данной практике индивид (базовая группа для сравнения).

⁵ Иванушкин Г. (2017) Гринпис: где в России собирают отходы отдельно // Агентство социальной информации. 15 марта 2017 // <https://www.asi.org.ru/news/2017/03/15/grinpis-razdelnyj-sbor-othodov-issledovanie/>

⁶ Выборка – многоступенчатая стратифицированная территориальная случайная.

Участие россиян в раздельном сборе бытовых отходов, или миф о «слабом звене»

В 2017 г. 13% респондентов указали на то, что они более-менее регулярно сортируют и относят отходы в специально установленные раздельные контейнеры, пункты приема (реальные участники). Группа намеренных в ближайшие год-два включиться (потенциальные участники) (19%) вкупе с намеренными продолжить участвовать в РСБО составили 29%. Основная же часть россиян (68%) не только не участвовала в этой практике, но в ближайшие год-два и не собирается делать это (индифферентные). По сравнению с 2014 г. доля участников РСБО практически не изменилась (рост на 2 п.п.), что свидетельствует о том, что при сохранении существующих условий эта практика развиваться не будет. В то же время социальная база для ее развития постепенно расширяется и укрепляется: увеличивается доля россиян, намеренных включиться в эту практику в ближайшие год-два, растут коэффициенты стабильности и замещения⁷ (таблица 1), что актуализирует выявление условий и факторов включения россиян в данную практику.

Таблица 1. Участие россиян в РСБО и намерения включиться/продолжить участвовать в этой практике в ближайшие год-два, %

	2014	2017
Реальные участники	11	13
Намерены включиться (или продолжить участвовать) в ближайшие год-два, в т.ч.:	23	29
потенциальные участники (не участвуют, но собираются)	15	19
Индифферентные (не участвуют и не собираются)	74	68
Коэффициент стабильности	73	81
Коэффициент замещения	5,1	7,8

В РСБО, как и в другие виды этичного потребления, чаще включены женщины как более социально отзывчивые и ответственные (таблица 2); образовательный статус нынешних участников заметно выше, чем в группе индифферентных; они в 1,5 раза чаще проживают в крупнейших городах (с населением 500 тыс. и выше). Можно предположить, что именно в этих городах сделаны продвижения по развитию инфраструктуры для РСБО, в то время как в сельской местности эта практика относительно чаще инициируется соображениями частной экономической выгоды (использование отходов на корм скоту, компост на удобрения и прочее). Различия по материальному статусу семьи в целом статистически не значимы, но они от-

⁷ Коэффициент стабильности – отношение числа намеренных продолжать участие в РСБО в ближайшие год-два к общему числу включенных в эту практику в настоящее время ($\times 100\%$). Коэффициент замещения – отношение числа намеренных включиться в РСБО к числу намеренных отказаться от него в ближайшие год-два.

части находят отражение в эффекте населенного пункта, т.к. между материальным и территориальным статусами домохозяйств существует тесная связь⁸.

Таблица 2. Отдельные характеристики россиян с разным отношением к РСБО, % по столбцу

	Реальные	Потенциальные	Индифферентные	Всего
Пол: женский	61	58	49	52,5
Образование: высшее (законченное и незаконченное)	42,5	38	33,5	35
Тип населенного пункта: город с населением от 500 тыс. чел.	42,5	30	26	29
в т.ч. города-миллионники (без Москвы)	22	11	9	11
города с населением менее 100 тыс. и ПГТ	17	31	31	29

Поскольку РСБО (сортировка, доставка в специальные контейнеры или пункты и прочее) сопряжен с дополнительными издержками времени и сил, то в мотивах добровольного участия (готовности участвовать) в нем россиян с большим отрывом лидируют мотивы надындивидуального характера: желание ощущать себя ответственным человеком за состояние окружающей среды (27%); стремление вносить вклад в улучшение экологии, благополучие нынешних и будущих поколений (24%); убежденность в экономической выгодности подобных действий для общества в целом (23%), а также стремление индивидов делать то, что, по их мнению, должны делать все (21%). По всем этим основаниям реальные участники опережают индифферентных в 1,5–2,2 раза (таблица 3). В общей сложности на те или иные компоненты «зеленого морального индекса», объединяющего эти четыре основания [Berglund 2006, p. 564], указали 67% россиян: 88% – среди реальных участников, 80% – потенциальных, 60% – индифферентных. Примечательно, что даже среди последних 45% назвали хотя бы один компонент, входящий в «зеленый моральный индекс», а 15% указали даже на 2–4. Поэтому в случае создания благоприятных инфраструктурных условий есть основания рассчитывать на переход заметной части индифферентных в группу реальных участников РСБО. Тем не менее по доле назвавших 2–4 компонента «морального зеленого индекса» они пока существенно уступают не только реальным, но и потенциальным участникам (15% против 46 и 29% соответственно).

Что касается соображений сугубо индивидуальной выгоды (экономической или неэкономической), то в настоящее время они не играют заметной роли. Экономическую выгоду для домохозяйства назвали 8% респондентов (из них половина рассматривает этот мотив как единственный), а желание создать у людей впечат-

⁸ В целом в городах с населением от 500 тыс. доля домохозяйств с материальным статусом ниже среднего в два раза меньше, чем в других населенных пунктах (15 против 30%), а с материальным статусом выше среднего, напротив, больше (37 против 26%).

ление о себе как об ответственном человеке – 4%. Причем по обоим основаниям различия между группами статистически не значимы, что неслучайно: культурные нормы в данной сфере еще не сложились, а экономические выигрыши невелики и представляют интерес лишь для особых социальных групп (в первую очередь дворников-гастарбайтеров и лиц без определенного места жительства). Невысокие расценки на разные виды отходов усугубляются трудностями поиска и доступностью пунктов, принимающих мелкие партии от населения (чем крупнее партия, тем цена выше). Как следствие, сугубо эгоистические мотивы в настоящее время не являются ни заметными (хотя бы одну из двух выгод личного характера в общей сложности назвали лишь 11% респондентов), ни единственными (среди тех немногих, кто их назвал, более половины дополняли их неэгоистичными, надындивидуальными соображениями), ни дифференцирующими факторами включения в практику РСБО (различия между разными группами по этому основанию не являются статистически значимыми, колеблясь от 11 до 14%).

Таблица 3. Мотивы участия или готовности начать участие в РСБО, % по столбцу⁹

Мотивы	Реальные	Потенциальные	Индиферентные	Всего
1. Хочу ощущать себя ответственным человеком за состояние окружающей среды	47	35	21,5	27
2. Хочу вносить вклад в улучшение экологии, благополучие нынешних и будущих поколений	36	29	21	24
3. Считаю, что это экономически выгодно для общества в целом	29	31	19	23
4. Стараюсь делать то, что, по моему мнению, должны делать все	37	22	18	21
5. Верю, что мои усилия не напрасны, и я могу влиять на решение важной проблемы	20	34	17	21
6. Это экономически выгодно лично для меня (моей семьи)	10	9	8	8
7. Хочу создать у людей впечатление о себе как об ответственном человеке	4	4	4	4
8. Получаю от этих действий особое удовлетворение, мне приятна причастность к этому делу	9	8	5	6
9. Не участвую и/или не собираюсь участвовать в раздельном сборе мусора	2	4,5	23	17

N=2000 чел. Ответы упорядочены по итоговому столбцу. Адаптированный и дополненный вопрос из: [Berglund 2006, p. 564].

⁹ Ответ на вопрос: «Назовите, пожалуйста, основные причины, по которым Вы уже участвуете или готовы начать участвовать в раздельном сборе мусора» (любое число ответов).

Дифференцирующую роль мотивы индивидуальной выгоды начинают играть лишь вкупе с еще одним мотивом – «получаю от этих действий особое удовлетворение, мне приятно причастность к этому делу» (22% среди реальных участников против 14% среди индифферентных). Однако в континууме «индивидуальные выгоды – общественные выгоды» этот мотив разместить однозначно нельзя. Одна часть индивидов может получать особое удовольствие от того, что минимизирует или монетизирует отходы (делает компост, «выручает копеечку», сдавая макулатуру или алюминиевые банки), а другая – по прямо противоположной причине: надындивидуальные ценности интернализированы настолько глубоко, что следование им приносит личное удовлетворение. Как те, так и другие, по видимому, будут олицетворять наиболее устойчивых (приверженных) участников РСБО и заслуживают того, чтобы в будущем следить за динамикой этой группы.

Существенную роль в добровольном включении в РСБО играет уверенность в эффективности собственных усилий (21%). Вера в то, что они не напрасны и смогут влиять на решение значимой проблемы, особо важна для потенциальных участников (34%) и гораздо реже акцентируется в группе индифферентных (17%) (таблица 3). Однако только 23% последних не видят ни эгоистичных, ни альтруистичных оснований для своего включения и настаивают на том, что не собираются участвовать в РСБО («неинтересно это мне») или будут участвовать, только если их принудят к этому («если не оставят выбора – сортировать или не сортировать»).

Заслуживает внимания тот факт, что основная часть россиян пока ограничивается указанием лишь на какой-нибудь один мотив (61%). Особенно их много в группе индифферентных (69 против 43% среди реальных участников), что косвенно сигнализирует об необходимости усиления просветительской и информационной активности со стороны других заинтересованных сторон (властных органов, НКО, бизнеса и прочих) в этой области.

За разными мотивами включения или готовности включиться в РСБО скрываются различия в ценностных ориентациях и установках. Реальные участники заметно опережают индифферентных по доле включающих в ядро важнейших жизненных ценностей (не более 5 из 15) какие-либо ценности надындивидуального характера (52 против 40%): благополучие всех людей и природы; гордость за Россию как родину, ее мощь и процветание; помощь нуждающимся. Они чаще согласны объединяться с другими для совместных действий, если идеи и интересы совпадают (39 против 27%). Потенциальные же участники, как и индифферентные, чаще разделяют индивидуалистические ценности: материальный достаток, личную безопасность (своя и близких), получение удовольствий, наслаждение жизнью (86 и 79% соответственно против 70% в группе реальных).

Условия включения населения в раздельный сбор бытовых отходов

Включение в практику РСБО, как и дальнейшее участие в ней уже включившихся, связано с развитием способствующей среды. В настоящее время основная часть россиян (69%) связывает свое соприкосновение с этой практикой с наличием

(установкой) контейнеров вблизи домов или во дворах: они если и готовы сортировать отходы, то без явных сопутствующих неудобств. На втором месте находится группа условий, сопряженных с эффективностью или, по крайней мере, осмысленностью подобной деятельности: это уверенность в том, что рассортированные отходы пройдут вторичную переработку (26%), будут своевременно и правильно вывезены (19%), т.е. контейнеры не будут переполненными, а при вывозе разделенные отходы не будут сваливаться в один контейнер. Третья группа условий – приемлемое время на доставку отходов в специальные пункты или отдельные контейнеры (17%), а также наличие информации об этих пунктах (16%).

Отсылка на участие большинства соседей в РСБО как условие включения в него и респондента распространена незначительно (13%). Культурные скрепы, социальные поощрения и санкции в этой сфере пока не играют значимой роли в России. В условиях слабого развития инфраструктуры выглядит вполне оправданной и низкая популярность такого условия, как введение штрафов или дополнительной платы за отказ от сортировки отходов (11%). Ни при каких условиях не готовы сортировать мусор 13% россиян: контейнеры им не нужны, а санкции – экономические или социальные – не пугают или пока серьезно не воспринимаются («не сортировала и не собираюсь дальше заморачиваться», «и где я на малюсенькой кухне должна пристраивать несколько мешков, чтобы сортировать мусор?!»).

Примечательно, что каждый второй респондент назвал лишь одно условие, необходимое для его включения в РСБО: в этом случае с большим отрывом лидирует установка контейнеров во дворах или вблизи домов (73 против 3–7% по остальным условиям); доля этой группы в общем числе опрошенных составляет 36%. Иными словами, для того, чтобы подтолкнуть весьма заметную часть россиян к участию в РСБО, достаточно, по крайней мере, на первых порах установить контейнеры вблизи домов. Однако эта самая востребованная мера, не будучи подкрепленной правильной организацией вывоза и вторичной переработкой отходов, быстро скомпрометирует идею и вызовет сопротивление или разочарование участников («смысла нет сортировать»), что уже и происходит в ряде мест.

В общей сложности на одно или несколько инфраструктурных условий (контейнеры/пункты, своевременный вывоз, вторичная переработка) указали почти все респонденты из числа назвавших те или иные условия (94%). Можно сделать вывод, что основная часть россиян уже сегодня в принципе не отказывается от участия в РСБО, но выдвигает встречный запрос на создание доступной инфраструктуры. Разного рода санкции (штрафы, дополнительная оплата за отказ от сортировки) не пользуются поддержкой у россиян, включая даже нынешних участников-добровольцев. Поспешные проекты постановлений в этой области со стороны органов власти, предлагающие начинать с принудительных мер (дополнительная оплата за ЖКХ, штрафы, заваривание мусоропроводов), вызывает напряжение и стимулирует поиск путей обхода нежелательных правил игры (сваливание мусора в кусты, выбрасывание с балконов в ночное время и прочее).

Хотя требование на установку контейнеров с большим отрывом лидирует во всех группах, чаще других его предъявляют реальные и потенциальные участники (таблица 4). Они же чаще беспокоятся и о том, чтобы рассортированные отходы были своевременно и правильно вывезены и прошли вторичную переработку. В то же время все эти условия называют (пусть менее активно, но все же весьма часто) и индифферентные к РСБО россияне, причем лишь немногие из них (18%)

настроены весьма категорично, заявляя, что ни при каких условиях не готовы сортировать отходы. Это еще одно свидетельство наличия хорошей социальной базы для развития РСБО в современной России в случае создания благоприятной среды.

Таблица 4. Условия включения (продолжения участия) в РСБО, % по столбцу

Условия участия/включения	Реальные	Потенциальные	Индифферентные	Всего
1. Установка контейнеров для раздельного сбора мусора вблизи дома	79	89	61	69
2. Уверенность в том, что раздельно собранный мусор пройдет вторичную переработку	30	32,5	24	26
3. Организация своевременного и правильного вывоза мусора	20	23	17	19
4. Приемлемое время на доставку мусора в спец. пункты или раздельные контейнеры	20	15	17	17
5. Наличие информации о том, куда можно отвезти раздельно собранный мусор	15	21	15	16
6. Участие большинства соседей в раздельном сборе мусора	17	12	12	13
7. Введение штрафов или дополнительной платы за отказ от сортировки мусора	13	11,5	10	11

N=2000 чел. Ответы упорядочены по итоговому столбцу.

Погруженные в практику РСБО россияне активнее сигнализируют о важности приемлемого времени на доставку отходов в специальные пункты. В условиях слабого развития этой сети в настоящее время энтузиасты кооперируются с соседями и поочередно вывозят рассортированные отходы в специальные пункты, тратя на это время (выходные) и деньги (поездка на личном автомобиле или такси), нередко к тому же рискуя, по их признанию, прибыть во временно неработающий по непонятным причинам пункт. Потенциальных же участников чаще сдерживает недостаток информации о том, куда можно отвезти рассортированные отходы (таблица 4).

Участие в практике РСБО, вероятно, потребует дополнительных затрат времени. Разные группы россиян готовы к этому в неодинаковой мере, но на серьезные временные затраты согласны немногие (таблица 5). Так, более трети россиян (35%) готовы сортировать и относить отходы в специально установленные раздельные контейнеры, пункты сбора, если каждый раз на это будет уходить не более пяти минут. Почти 2/5 не откажутся от более высоких временных издержек – 6–10 минут, но потратить больше 20 минут согласны совсем немногие (6%), больше всего их среди нынешних участников РСБО (14 против 5% в других группах). Намеренные же включиться, как и индифферентные, готовы к гораздо меньшим жертвам (в среднем 10–11 против 14 мин среди реальных); они активнее присутствуют «на дистанции» – не более 5 мин.

Таблица 5. Представления групп с разным отношением к РСБО о приемлемом времени на сортировку и доставку мусора в специально установленные отдельные контейнеры, пункты сбора отходов¹⁰, % по столбцу

	Реальные	Потенциальные	ИнDIFFерентные	Всего
Не более 5 мин	26	38	36	35
6–10 мин	35	34	41	39
11–15 мин	15	14	12	13
16–20 мин	10	9	6	7
Больше 20 мин	14	5	5	6
Среднее время (мин) ¹¹	14,13	10,78	10,15	10,85
Медиана (мин)	10,00	10,00	10,00	10,00

Таким образом, фактор удобства, фиксируемый в зарубежных исследованиях формирования практики РСБО как в развитых, так и в развивающихся странах, является одним из ключевых и в России.

Раздельный сбор бытовых отходов и другие виды просоциальной активности в пространстве потребительских благ и ресурсов

Участники с различным погружением в практику РСБО реализуют разные модели просоциальной активности в пространстве потребительских благ и ресурсов: участие в добровольческом труде (т.е. неоплачиваемой работе в интересах других лиц), денежных пожертвованиях незнакомым нуждающимся людям, а также передаче ненужных вещей в хорошем состоянии как по формальным (в храмы, благотворительные магазины, пункты социальной помощи), так и по неформальным (друзьям, знакомым, соседям) каналам (таблица 6). Участники РСБО социально более активны: за предшествующий опросу год они в два раза опережают индифферентных (29 против 14%) по доле включавшихся во все три вида социально-экономической солидарности (труд, деньги, вещи), а по доле не включавшихся ни в один из видов уступают им в 4 раза (8 против 32%).

Группы с разным отношением к РСБО различаются и уровнем включения в другие виды эко-дружественного поведения, в том числе эпизодического или разового характера. Так, участники РСБО при покупке товаров чаще отдают предпочтение продукции производителей, которые бережно относятся к окружающей среде; среди них больше тех, кто за последний год участвовал в благоустройстве и очистке территории, разных экологических проектах (расчистке лесов, полей и рек, посадке деревьев) (таблица 7).

¹⁰ Ответ на вопрос: «Закончите предложение так, как считаете нужным: “Я готов(а) сортировать и относить мусор в специально установленные отдельные контейнеры, пункты сбора отходов, если каждый раз на это будет уходить не более ___ минут”».

¹¹ База – давшие соответствующую оценку (1724 чел., или 86% от общего числа опрошенных).

Таблица 6. Включение россиян с разным отношением к РСБО в разные виды солидарной активности в пространстве потребительских благ и ресурсов, % по столбцу

Виды солидарной активности за последний год	Реальные	Потенциальные	ИнDIFFерентные	Всего
Добровольческий труд	57,5	49	36	41
Денежные пожертвования	79	66	50,5	57
Передача вещей	54	42	34	38
Сумма разных видов солидарной активности («труд», «деньги», «вещи»)				
0	8	17	32	26
1	22	30	29	28
2	41	31	26	29
3	29	22	14	17

Таблица 7. Включение россиян с разным отношением к РСБО в другие виды эко-дружественного поведения, % по столбцу

Виды активности	Реальные	Потенциальные	ИнDIFFерентные	Всего
1. При покупке товара когда-либо уже учитывали, наряду с ценой и качеством, бережное отношение производителей к окружающей среде	34	20,5	14	17,5
2. За последний год принимали участие в деятельности экологических НКО, включая членство в них	1,2	1,8	0,7	1,0
3. Добровольно и без оплаты за последний год участвовали в благоустройстве и очистке территории (уборка мусора, работа по улучшению парков, дорог, озеленению территории и прочее)	29,5	28	17	21
4. Добровольно и без оплаты за последний год участвовали в экологических проектах (расчистка лесов, полей и рек, посадка деревьев)	8	4,5	3	4
Итого общее число видов активности				
ни одного из перечисленных	44	55	72	65
хотя бы один	41	36	23	28
от 2 до 4	15	8	6	7

Факторы включения в отдельный сбор бытовых отходов: регрессионный анализ

Характеристика переменных

Независимые переменные представляли широкий спектр факторов разной природы: просоциальные ценностные ориентации и установки, включая значение «зеленого морального индекса» (таблица 3), наличие в значимом пространстве индивидуальных жизненных ценностей (бинарная, 1 – есть хотя бы одна ценность); наличие в значимом пространстве индивидуалистических ценностей (бинарная, 1 – есть хотя бы одна ценность); готовность объединяться с другими для каких-либо совместных действий в случае совпадения идей и интересов (бинарная, 1 – готовы безусловно/скорее); членство в общественных организациях, участие в их деятельности (бинарная, 1 – члены каких-либо общественных организаций)¹²; условия включения (продолжения участия) в РСБО (бинарные, таблица 4); социально-демографические и статусные характеристики: пол (1 – женский); возраст (лет); образование (1 – вуз), материальный статус семьи: низкий («денег не хватает даже на питание» или «на питание денег хватает, но одежду, обувь купить не можем»), средний («на одежду, обувь денег хватает, но крупную бытовую технику купить не можем»), выше среднего/высокий («на бытовую технику денег хватает, но автомобиль купить не можем», «на автомобиль денег хватает, но квартиру или дом купить не можем» или «на квартиру или дом денег хватает»); тип населенного пункта (6 категорий).

В модель 2 дополнительно включались переменные, характеризующие разнообразие солидарной активности индивидов в пространстве материальных благ и ресурсов (добровольческий труд, денежные пожертвования, передача вещей), а также уровень эко-дружественной активности в других сферах за предшествующий опросу год (таблицы 6, 7).

Мультиномиальный логит-анализ

С помощью аппарата регрессионного анализа определены ключевые факторы включения россиян в практику РСБО. Насколько можно судить по коэффициентам МНЛ-регрессии, россияне при прочих равных условиях, скорее, окажутся реальными участниками, чем индифферентными, если связывают включение в РСБО с важностью для себя заботы об экологии и обществе (одна или несколько компонент «зеленого морального индекса»); готовы объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий в случае совпадения идей и интересов. Реальными участниками, скорее, окажутся женщины, жители городов-миллионников (за исключением Москвы), независимо от материального и образовательного статусов, а также членства в НКО или участия в их деятельности. Примечательно,

¹² Членство в ТСЖ, садовых и дачных товариществах, а также профсоюзах здесь не учитывалось, т.к. в современных условиях оно часто носит формальный характер.

что по запросам на развитие инфраструктуры как условию вхождения (пребывания) в РСБО реальные участники практически не отличаются от индифферентных. В современных условиях они – энтузиасты-первопроходцы, а потому часто участвуют в РСБО не благодаря наличию способствующей среды, а вопреки ее отсутствию или только там, где благоприятная инфраструктура уже имеется. Единственное исключение (да и то со знаком минус) – уверенность в эффективности или, по крайней мере, осмысленности подобной деятельности, связанное с запросом на своевременный вывоз и правильную переработку отходов. Сегодня сбои в функционировании этой системы – важный фактор оттока участников из этой практики.

Что касается потенциальных участников, то по сравнению с индифферентными ими, скорее, окажутся лица отчасти с похожими характеристиками, но есть и отличия: они связывают свое включение в РСБО с важностью для себя не только заботы об экологии и обществе в целом, но и веры в то, что их усилия не напрасны, и они внесут вклад в решение важной проблемы. Правда, они не отличаются от индифферентных запросами на развитие «инфраструктуры результативности» – своевременного и правильного вывоза и вторичной переработки (об этих нюансах они пока, видимо, не задумываются), но заметно отличаются запросами на развитие «инфраструктуры доступности» (установки контейнеров вблизи дома, приемлемом времени на доставку отходов в специальные пункты). Кроме того, перестают иметь значение пол и тип поселения.

Поскольку коэффициенты мультиномиальной регрессии β плохо поддаются прямой интерпретации в качестве меры влияния, приведем рассчитанные на их основе средние предельные эффекты для каждого типа участия в РСБО. Они показывают, на сколько процентных пунктов (п.п.) в среднем меняется вероятность соответствующего исхода при единичном изменении той или иной независимой переменной при условии, что все остальные независимые переменные остаются неизменными (таблица 8).

Наибольшую положительную связь с вероятностью реального участия россиян в РСБО в настоящее время имеют просоциальные факторы, объединенные в «зеленый моральный индекс». По сравнению с базовой группой (индекс равен нулю) вероятность включения тех, у кого он принимает значения от 1 до 3, выше на 8,3, 17,5 и 20,3 п.п. соответственно. Тем самым не отвергается гипотеза (H1) о том, что вероятность включения в РСБО тем выше, чем в большей степени оно связывается с заботой об общественной выгоде. Преследование личного эгоистического интереса (экономического или неэкономического) в современных условиях не играет значимой роли. С большей вероятностью реальными участниками становятся лица, готовые объединяться с другими для совместных действий (на 7 п.п.), а вот наличие в значимом ценностном пространстве хотя бы одной ценности индивидуалистического характера, напротив, снижает эту вероятность (на 4,7 п.п.). Гипотеза о том, что в практику РСБО чаще включаются индивиды, придающие высокую значимость ценностям надындивидуального характера и имеющие социально ориентированные установки (H3), подтверждается частично. С большей вероятностью участниками становятся женщины (на 3,4 п.п.), а также жители городов-миллионников, за исключением Москвы. По сравнению с жителями села, многие из которых участвуют в РСБО по частным экономическим соображениям, вероятность участия жителей городов-миллионников, движимых преимущественно просоциальными мотивами, на 9,6 п.п. выше. Примечательно,

что еще ниже по сравнению с базовой группой вероятность включения москвичей (на 6,9 п.п.), что представляется вполне ожидаемым, если учесть, что в рейтинге самых удобных городов для РСБО¹³ в 2018 г. Москва заняла лишь 52-е место¹⁴.

Таблица 8. Средние предельные эффекты выбора типа участия в РСБО

	Модель 1			Модель 2		
	Реальные	Потенциальные	Не готовы	Реальные	Потенциальные	Не готовы
Условия участия в РСБО						
Контейнеры во дворах и/или приемлемое время на доставку мусора в пункты	–	0,186*** (0,029)	-0,182*** (0,029)	–	0,178*** (0,029)	-0,174*** (0,029)
Участие большинства соседей в РСБО	–	-0,057** (0,027)	–	–	-0,058** (0,027)	–
Штрафы или дополнительная плата за отказ от сортировки мусора	–	–	–	–	–	–
Своевременный вывоз мусора и/или уверенность в его правильной переработке	-0,036** (0,016)	–	–	-0,040** (0,016)	–	–
Информация о пунктах, куда можно отвести раздельно собранный мусор	-0,036* (0,021)	–	–	–	–	–
Ценностные ориентации, установки, мотивы включения (готовности включиться)						
«Зеленый моральный индекс»: 0 – база						
1	0,083*** (0,023)	0,063*** (0,023)	-0,146*** (0,027)	0,065*** (0,022)	0,058** (0,023)	-0,122*** (0,026)
2	0,175*** (0,025)	0,099*** (0,027)	-0,273*** (0,032)	0,151*** (0,025)	0,087*** (0,027)	-0,238*** (0,032)
3-4	0,203*** (0,032)	–	-0,266*** (0,048)	0,178*** (0,031)	–	-0,228*** (0,047)
Личный эгоистический интерес (выгода экономическая и неэкономическая)	0,040* (0,024)	–	-0,057* (0,033)	–	–	–
Вера, что усилия не напрасны и могут влиять на решение важной проблемы	–	0,114*** (0,020)	-0,104*** (0,025)	–	0,108*** (0,020)	-0,092*** (0,024)

¹³ По данным Гринпис России, более 160 городов с населением от 100 тыс. чел.

¹⁴ Рейтинг: самые удобные города для раздельного сбора (2018) // Greenpeace.ru. 31 января 2018 // <http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/2018/0131-rating-rso-2018/>

Готовность объединяться с незнакомыми людьми (безусловно или скорее)	0,071*** (0,020)	–	-0,087*** (0,024)	0,058*** (0,020)	–	-0,061*** (0,024)
Членство в НКО и участие в их деятельности	–	–	–	–	-0,035* (0,020)	0,0396* (0,022)
Наличие индивидуалистических ценностей	-0,047*** (0,016)	0,063*** (0,024)	–	-0,039*** (0,016)	0,068*** (0,024)	–
Социально-демографические и статусные характеристики						
Пол: женщины	0,034** (0,014)		-0,049** (0,019)	0,029** (0,014)		-0,036* (0,0195)
Материальный статус семьи (низкий – база):						
высокий	–	–	–	–	–	0,055* (0,023)
Населенный пункт (село - база):						
Москва	-0,069** (0,030)	0,076* (0,044)		-0,058* (0,033)	0,100** (0,045)	
Другие города-миллионники	0,096*** (0,034)	–	-0,110*** (0,038)	0,098*** (0,034)	–	-0,116*** (0,038)
Города с населением менее 100 тыс., ПГТ	-0,053*** (0,019)	–	–	-0,057*** (0,018)	–	–
Просоциальная и эко-дружественная активность в других сферах						
Индекс разнообразия солидарности в пространстве материальных благ («труд», «деньги», «вещи»), 0 – база						
1	X	X	X	0,067** (0,026)	0,045* (0,025)	-0,113*** (0,029)
2	X	X	X	0,094*** (0,026)	–	-0,134*** (0,030)
3	X	X	X	0,079*** (0,0298)	0,072** (0,031)	-0,152*** (0,036)
Индекс эко-дружественной активности (0 – база)						
1 – какой-нибудь один вид (таблица 8)	X	X	X	0,040** (0,016)	0,058*** (0,019)	-0,098*** (0,022)
2 – от 2 до 4 видов	X	X	X	0,070*** (0,023)	–	-0,087** (0,038)

Примечание. N=2000 (модель 1), N=2000 (модель 2). Регионы (8 федеральных округов) контролируются.

*** p<0,01, ** p<0,05, * p<0,1. В скобках приведены робастные стандартные ошибки.

Вероятность > хи-квадрат=0,0000 (модель 1 и модель 2).

Pseudo R²=0,1467 (модель 1); Pseudo R²=0,1676 (модель 2).

«—» незначимые предельные эффекты. В таблице 8 не приведены переменные, которые оказались незначимыми в обеих моделях: возраст, образование, материальный статус – средний, населенный пункт – города от 500 тыс. до 1 млн и от 100 до 500 тыс.; получение личного удовольствия от причастности к делу РСБО, наличие в ценностном ядре надындивидуальных ценностей.

Что касается потенциальных участников РСБО, то самую сильную положительную связь с попаданием в эту группу имеет фактор удобства или доступности соответствующей инфраструктуры (установка контейнеров вблизи домов, приемлемое время на доставку отходов в пункты). У тех, кто указал на этот фактор, вероятность отнесения к группе потенциальных выше по сравнению с базовой группой на 18,6 п.п. Другое их отличие – важность эффективности потенциальных усилий: у тех, кто верит, что их усилия не напрасны и они смогут повлиять на решение важной проблемы, вероятность включения в группу потенциальных участников на 11,4 п.п. выше. Таким образом, гипотеза (H2) о значимых различиях в факторах включения в РСБО реальных и потенциальных участников не отвергается: потенциальные участники предъявляют более высокие запросы в отношении как доступности инфраструктуры, так и результативности функционирования системы РСБО в целом (а следовательно, и личной эффективности предполагаемых усилий). Это неслучайно: по сравнению с реальными участниками они настроены более индивидуалистически. Просоциальные характеристики («зеленый моральный индекс») играют хотя и важную, но менее значимую роль в отнесении к этой группе. Наличие же в значимом ценностном пространстве индивидуалистических ценностей положительно связано с попаданием в группу потенциальных участников (вероятность на 6,3 п.п. выше).

В модель 2 дополнительно включались переменные, характеризующие разные виды просоциальной активности индивидов за последний год: участие в одной или нескольких традиционных солидарных практиках в пространстве потребительских благ и ресурсов (денежные пожертвования, добровольческий труд, передача вещей), а также включение в какие-то разовые практики по защите окружающей среды и благоустройству территории и/или покупку товаров с учетом экологического фактора. Предполагалось, что за ними скрывается некая переменная, характеризующая «социальный отклик» (отзывчивость, ответственность) респондентов. Оказалось, что у участников всех трех видов солидарных практик по сравнению с неучастниками выше вероятность включения в группу потенциальных участников РСБО на 7,2 п.п., а у участников хотя бы одной эко-дружественной практики – на 5,8 п.п.

Выводы и заключительные соображения

Исследование позволяет сделать вывод о том, что при сохранении существующих условий РСБО развиваться не будет. Потенциал нарастания числа участников за счет энтузиастов, многие из которых участвуют в практике, несмотря на заметные неудобства (временные, инфраструктурные), практически исчерпан (о чем собственно и свидетельствует динамика доли участников в 2014–2017 гг.). Потенциальные же участники предъявляют более высокие запросы на развитие «инфраструктуры доступности», которые сказываются на вероятности включения в эту группу гораздо сильнее, чем все компоненты «зеленого морального индекса».

Полученные данные о приемлемых для населения затратах времени на сортировку и доставку отходов в отдельные контейнеры (пункты) указывают на первоочередную важность развития инфраструктуры доступности: высокоплотной сети контейнеров-пунктов для сбора рассортированных отходов, выделения при проекти-

ровании новых жилых домов специальных, предназначенных для этого помещений, а также модернизации существующих мусоропроводов на основе предложений, выдвигаемых уже сегодня со стороны инновационного российского бизнеса. В целом простая и удобная система рециклинга (*easy and user-friendly systems*) [Refsgaard, Magnussen 2008, p. 769] – ключевой фактор включения населения в РСБО, которому даже в законопослушных обществах придается большая значимость по сравнению с материальными стимулами и санкциями [Shaw, Maynard 2008].

Проблема этичной утилизации бытовых отходов требует комплексного решения. Как таковая она осознается пока только малой частью рядовых россиян, транслирующих с большим опережением запросы на установку контейнеров во дворах. Но это нововведение, не будучи подкрепленным развитием системы своевременного вывоза и переработки, быстро скомпрометирует идею, что и происходит в настоящее время в ряде мест. Просвещение и информирование россиян об остроте проблемы, активизируя моральные мотивы, также способны снизить издержки включения в РСБО.

Широко распространенное мнение о том, что россияне не готовы и еще долго будут не готовы к включению в РСБО, не имеет оснований. Домохозяйства не являются «слабым звеном в социальном механизме развития этой практики. Социальная база для ее развития постепенно расширяется и укрепляется: увеличивается доля россиян, намеренных включиться в РСБО в ближайшие год-два, растут коэффициенты стабильности и замещения. Эта практика имеет добровольные основания, практически не продвигается эгоистическими поисками личной выгоды, словом, относится к практикам гражданского общества и может стать еще одним каналом (доступным и понятным) проявления гражданской ответственности и самостоятельности.

Наше исследование РСБО выполнялось как часть более широкого проекта по изучению становления этичных потребительских практик в России. Поэтому ряд частных, но немаловажных для развития собственно этой практики аспектов не освещались и будут учтены на следующем этапе исследования, как то: оценки уровня развития доступной респондентам инфраструктуры для РСБО; издержки и выгоды материальных стимулов и санкций в этой сфере, включая риски вытеснения ими просоциальных мотивов и установок [Owusu 2013; Nyborg, Howarth, Brekke 2006]; число фракций, на которые россияне готовы делить отходы, существенно влияющее на издержки входа в РСБО, и другое. Успешное продвижение РСБО зависит от объединения усилий акторов разных уровней и типов – власти, бизнеса, НКО и обычных россиян, – что актуализирует исследования не только населения, но и других ключевых игроков, а также характера их взаимодействий в этой сфере.

Литература

- Ильин В. И. (2000) Поведение потребителей. СПб.: Питер.
Козловски П. (1999) Принципы этической экономики. СПб.: Экономическая школа.
Смит А. (1997/1759) Теория нравственных чувств. М.: Республика.
Что делать с мусором в России (2016). М.: Greenpeace.
Шабанова М.А. (2012) Социоэкономика. М.: Экономика.
Шабанова М.А. (2015) Этичное потребление в России: профили, факторы, потенциал развития // Вопросы экономики. № 5. С. 78–102.

- Abbott A., Nandeibam S., O'Shea L. (2013) Recycling: Social Norms and Warm-glow Revisited // *Ecological Economics*, vol. 90, no 6, pp. 10–18.
- Afroz R., Hanaki K., Tuddin R., Ayup K. (2010) A Survey of Recycling Behaviour in Households in Dhaka, Bangladesh // *Waste Management and Research*, vol. 28, no 2, pp. 552–560.
- Ajzen I. (1991) The Theory of Planned Behavior // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, vol. 50, no 2, pp. 179–211.
- Andreoni J. (1990) Impure Altruism and Donations to Public Goods: A Theory of Warm-glow Giving // *Economic Journal*, vol. 100, no 401, pp. 464–477.
- Arbués F., Villanúa I. (2016) Determinants of Behavior toward Selective Collection of Batteries in Spain. A Bivariate Probit Model // *Resources, Conservation and Recycling*, vol. 106, pp. 1–8.
- Bandura A. (1995) *Exercise of Personal and Collective Efficacy in Changing Societies*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Beck U. (2001) Interview // *Journal of Consumer Culture*, vol. 1, no 2, pp. 261–277.
- Berglund C. (2006) The Assessment of Households' Recycling Costs: The Role of Personal Motives // *Ecological Economics*, vol. 56, no 4, pp. 560–569.
- Bruvoll A., Halvorsen B., Nyborg K. (2002) Households' Recycling Efforts // *Resources, Conservation and Recycling*, vol. 36, no 4, pp. 337–354.
- Chu Z., Wang W., Wang B., Zhuang J. (2016) Research on Factors Influencing Municipal Household Solid Waste Separate Collection: Bayesian Belief Networks // *Sustainability*, vol. 8, no 2, pp. 152–168.
- Crociata A., Agovino M., Sacco P.L. (2015) Recycling Waste: Does Culture Matter? // *Journal of Behavioral and Experimental Economics*, vol. 55, no 3, pp. 40–47.
- Czajkowski M., Hanley N., Nyborg K. (2017) Social Norms, Morals and Self-interest as Determinants of Pro-environment Behaviours: the Case of Household Recycling // *Environmental and Resource Economics*, vol. 66, no 4, pp. 647–670.
- Dahlen L., Vukicevic S., Meijer J.-E., Lagerkvist A. (2007) Comparison of Different Collection Systems for Sorted Household Waste in Sweden // *Waste Management*, vol. 27, no 10, pp. 1298–1305.
- Dijkgraaf E., Gradus R.H.J.M. (2004) Cost Savings in Unit-based Pricing of Household Waste // *Resource and Energy Economics*, vol. 26, no 4, pp. 353–371.
- Ekere W., Mugisha J., Drake L. (2009) Factors Influencing Waste Separation and Utilization among Householders in the Lake Victoria Crescent, Uganda // *Waste Management*, vol. 29, no 12, pp. 3047–3051.
- Etzioni A. (1988) *The Moral Dimension: Toward a New Economics*, N.Y.: Free Press.
- Etzioni A. (2003) Toward a New Socio-Economic Paradigm // *Socio-Economic Review*, vol. 1, no 1, pp. 105–118.
- Gonzalez-Torre P.L., Adenso-Diaz B. (2005) Influence of Distance on the Motivation and Frequency of Household Recycling // *Waste Management*, vol. 25, no 1, pp. 15–23.
- Halvorsen B. (2008) Effects of Norms and Opportunity Cost of Time on Household Recycling // *Land Economics*, vol. 84, no 3, pp. 501–516.
- Hornweg D., Bhada-Tata B.P. (2012) *What a Waste: A Global Review of Solid Waste Management* // *Urban Development Series*. World Bank. No. 15 // https://siteresources.worldbank.org/INTURBANDEVELOPMENT/Resources/336387-1334852610766/What_a_Waste2012_Final.pdf
- Iyer E.S., Kashyap R.K. (2007) Consumer Recycling: Role of Incentives, Information, and Social Class // *Journal of Consumer Behaviour*, vol. 6, no 1, pp. 32–47.
- Jenkins R.R., Martinez S.A., Palmer K., Podolsky M.J. (2003) The Determinants of Household Recycling: a Material Specific Analysis of Recycling Program Features and Unit Pricing // *Journal of Environmental Economics and Management*, vol. 45, no 2, pp. 294–318.
- Kirakozian A. (2016) The Determinants of Household Recycling: Social Influence, Public Policies and Environmental Preferences // *Applied Economics*, vol. 48, no 16, pp. 1481–1503.
- Meneses G.D., Palacio A.B. (2005) Recycling Behavior: A Multidimensional Approach // *Environment and Behavior*, vol. 37, no 6, pp. 837–860.
- Miafodzyeva S., Brandt N. (2013) Recycling Behaviour among Householders: Synthesizing Determinants via a Meta-analysis // *Waste and Biomass Valorization*, vol. 4, no 2, pp. 221–235.

- Nyborg K., Howarth R.B., Brekke K.A. (2006) Green Consumers and Public Policy: On Socially Contingent Moral Motivation // *Resource and Energy Economics*, vol. 28, no 4, pp. 351–366.
- Owusu V., Adjei-Addo E., Sundberg C. (2013) Do Economic Incentives Affect Attitudes to Solid Waste Source Separation? Evidence from Ghana // *Resources, Conservation and Recycling*, vol. 78, pp. 115–123.
- Refsgaard K., Magnussen K. (2008) Household Behavior and Attitudes with Respect to Recycling Food Waste-experiences from Focus Groups // *Journal of Environmental Management*, vol. 90, no 2, pp. 760–771.
- Robinson G.M., Read A.D. (2005) Recycling Behavior in London Borough: Results from Large-scale Household Surveys // *Resources, Conservation and Recycling*, vol. 45, no 1, pp. 70–83.
- Sayer A. (2007) Moral Economy as Critique // *New Political Economy*, vol. 12, no 2, pp. 261–270.
- Sen A. (1987) *On Ethics and Economics*, Oxford: Blackwell.
- Sen A. (2005) Why Exactly Is Commitment Important for Rationality? // *Economics and Philosophy*, vol. 21, no 1, pp. 5–14.
- Shaw P.J., Maynard S.J. (2008) The Potential of Financial Incentives to Enhance Householders' Curbside Recycling Behavior // *Waste Management*, vol. 28, no 10, pp. 1732–1741.
- Starr M.A. (2009) The Social Economics of Ethical Consumption: Theoretical Considerations and Empirical Evidence // *Journal of Socio-Economics*, vol. 38, no 6, pp. 916–925.
- Stehr N. (2008) The Moralization of the Markets in Europe // *Society*, vol. 45, no 1, pp. 62–67.
- Trentmann F. (2007) Citizenship and Consumption // *Journal of Consumer Culture*, vol. 7, no 2, pp. 147–158.
- Vanberg V.J. (2008) On the Economics of Moral Preferences // *American Journal of Economics and Sociology*, vol. 67, no 4, pp. 605–628.
- Videras J., Owen A.L., Conover E., Wu S. (2012) The Influence of Social Relationships on Pro-environment Behaviors // *Journal of Environmental Economics and Management*, vol. 63, no 1, pp. 35–50.

Separate Waste Collection in Russia: The Level, Factors and Potential for Citizen Engagement

M. SHABANOVA*

***Marina Shabanova** – DSc in Sociology, Professor, Department of Applied Economics, Faculty of Economic Sciences; Leading Research Fellow, Center for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector, National Research University Higher School of Economics. Address: 20, Myasnienskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: mshabanova@hsc.ru

Citation: Shabanova M. (2019) Separate Waste Collection in Russia: The Level, Factors and Potential for Citizen Engagement. *Mir Rossii*, vol. 28, no 3, pp. 88–112 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-3-88-112

Abstract

Drawing on the results of two representative surveys (2014 and 2017) this paper presents data on the actual and the potential levels of Russians' engagement in separate waste collection practices, the factors and the conditions for this. To date, only 4–5%

of municipal waste is recycled, while most of the waste ends up in dumps, official or otherwise. Multiple attempts to introduce a system of separate waste collection in Soviet and post-Soviet times in various regions and population centers (waste paper collection in schools, separate containers for food waste and other garbage, stationary and mobile separated solid waste collection points, etc.) did not succeed. The population is often claimed to be the weak link in the social mechanism of this practice institutionalization. However, is this really the case?

We apply a multinomial logit regression to evaluate the relative strength of different factors potentially explaining the division of individuals into separate groups defined by their attitudes to separate waste disposal. The results of the analysis show that although the potential of the enthusiastic pioneers has been virtually exhausted, the claims that the majority of Russians are not yet prepared to participate in these practices are not true. However, the potential participants tend to voice more complex demands with regard to the conditions enabling their participation in separate waste collection. The convenience factor (the proximity of garbage containers to people's homes, adequate time for delivering particular types of waste to the collection points), which has been identified in the studies of evolving practices of separate waste collection, both in developed and developing countries, is also a key factor in Russia. The confidence in the effectiveness of personal efforts to alleviate the issue is also important: people believe that their endeavors are not in vain, the waste collected separately will be withdrawn in a timely and efficient manner, recycled, etc. Interestingly, cultural norms, social incentives and sanctions do not seem to play any significant role in this regard, nor do any material incentives or sanctions. We show that the practice of separate waste collection is mostly driven by prosocial motives, environmental concerns and responsibility. It is barely influenced by self-serving interests and, thus, falls within the realm of civil society practices. It can become another (accessible and straightforward) channel for exercising civic responsibility and independence. In conclusion, we discuss the future potential of the practices in question and measures to enhance Russians' participation in separate waste collection.

Key words: waste separation behavior, ethical consumption, ecological consumer responsibility, sustainable development

References

- Abbott A., Nandeibam S., O'Shea L. (2013) Recycling: Social Norms and Warm-glow Revisited. *Ecological Economics*, vol. 90, no 6, pp. 10–18.
- Afroz R., Hanaki K., Tuddin R., Ayup K. (2010) A Survey of Recycling Behaviour in Households in Dhaka, Bangladesh. *Waste Management and Research*, vol. 28, no 2, pp. 552–560.
- Ajzen I. (1991) The Theory of Planned Behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, vol. 50, no 2, pp. 179–211.
- Andreoni J. (1990) Impure Altruism and Donations to Public Goods: A Theory of Warm-glow Giving. *Economic Journal*, vol. 100, no 401, pp. 464–477.
- Arbués F., Villanúa I. (2016) Determinants of Behavior toward Selective Collection of Batteries in Spain. A Bivariate Probit Model. *Resources, Conservation and Recycling*, vol. 106, pp. 1–8.
- Bandura A. (1995) *Exercise of Personal and Collective Efficacy in Changing Societies*, Cambridge: Cambridge University Press.

- Beck U. (2001) Interview. *Journal of Consumer Culture*, vol. 1, no 2, pp. 261–277.
- Berglund C. (2006) The Assessment of Households' Recycling Costs: The Role of Personal Motives. *Ecological Economics*, vol. 56, no 4, pp. 560–569.
- Bruvold A., Halvorsen B., Nyborg K. (2002) Households' Recycling Efforts. *Resources, Conservation and Recycling*, vol. 36, no 4, pp. 337–354.
- Chto delat's musorom v Rossii* [What to Do with Waste in Russia] (2016), Moscow: Greenpeace.
- Chu Z., Wang W., Wang B., Zhuang J. (2016) Research on Factors Influencing Municipal Household Solid Waste Separate Collection: Bayesian Belief Networks. *Sustainability*, vol. 8, no 2, pp. 152–168.
- Crociata A., Agovino M., Sacco P.L. (2015) Recycling Waste: Does Culture Matter? *Journal of Behavioral and Experimental Economics*, vol. 55, no 3, pp. 40–47.
- Czajkowski M., Hanley N., Nyborg K. (2017) Social Norms, Morals and Self-interest as Determinants of Pro-environment Behaviours: the Case of Household Recycling. *Environmental and Resource Economics*, vol. 66, no 4, pp. 647–670.
- Dahlen L., Vukicevic S., Meijer J.-E., Lagerkvist A. (2007) Comparison of Different Collection Systems for Sorted Household Waste in Sweden. *Waste Management*, vol. 27, no 10, pp. 1298–1305.
- Dijkgraaf E., Gradus R.H.J.M. (2004) Cost Savings in Unit-based Pricing of Household Waste. *Resource and Energy Economics*, vol. 26, no 4, pp. 353–371.
- Ekere W., Mugisha J., Drake L. (2009) Factors Influencing Waste Separation and Utilization among Householders in the Lake Victoria Crescent, Uganda. *Waste Management*, vol. 29, no 12, pp. 3047–3051.
- Etzioni A. (1988) *The Moral Dimension: Toward a New Economics*, N.Y.: Free Press.
- Etzioni A. (2003) Toward a New Socio-Economic Paradigm. *Socio-Economic Review*, vol. 1, no 1, pp. 105–118.
- Gonzalez-Torre P.L., Adenso-Diaz B. (2005) Influence of Distance on the Motivation and Frequency of Household Recycling. *Waste Management*, vol. 25, no 1, pp. 15–23.
- Halvorsen B. (2008) Effects of Norms and Opportunity Cost of Time on Household Recycling. *Land Economics*, vol. 84, no 3, pp. 501–516.
- Hoornweg D., Bhada-Tata B.P. (2012) What a Waste: A Global Review of Solid Waste Management. *Urban Development Series*. World Bank. No. 15. Available at: https://siteresources.worldbank.org/INTURBANDEVELOPMENT/Resources/336387-1334852610766/What_a_Waste2012_Final.pdf, accessed 15.05.2019.
- Ilyin V.I. (2000) *Povedenie potrebitelej* [Consumer Behavior], Saint Petersburg: Piter.
- Iyer E.S., Kashyap R.K. (2007) Consumer Recycling: Role of Incentives, Information, and Social Class. *Journal of Consumer Behaviour*, vol. 6, no 1, pp. 32–47.
- Jenkins R.R., Martinez S.A., Palmer K., Podolsky M.J. (2003) The Determinants of Household Recycling: a Material Specific Analysis of Recycling Program Features and Unit Pricing. *Journal of Environmental Economics and Management*, vol. 45, no 2, pp. 294–318.
- Kirakozian A. (2016) The Determinants of Household Recycling: Social Influence, Public Policies and Environmental Preferences. *Applied Economics*, vol. 48, no 16, pp. 1481–1503.
- Koslowski P. (1999) *Printsipy eticheskoy ekonomii* [Principles of Ethical Economy], Saint Petersburg: Ekonomicheskaya shkola.
- Meneses G.D., Palacio A.B. (2005) Recycling Behavior: A Multidimensional Approach. *Environment and Behavior*, vol. 37, no 6, pp. 837–860.
- Miafodzyeva S., Brandt N. (2013) Recycling Behaviour among Householders: Synthesizing Determinants via a Meta-analysis. *Waste and Biomass Valorization*, vol. 4, no 2, pp. 221–235.
- Nyborg K., Howarth R.B., Brekke K.A. (2006) Green Consumers and Public Policy: On Socially Contingent Moral Motivation. *Resource and Energy Economics*, vol. 28, no 4, pp. 351–366.
- Owusu V., Adjei-Addo E., Sundberg C. (2013) Do Economic Incentives Affect Attitudes to Solid Waste Source Separation? Evidence from Ghana. *Resources, Conservation and Recycling*, vol. 78, pp. 115–123.
- Refsgaard K., Magnussen K. (2008) Household Behavior and Attitudes with Respect to Recycling Food Waste-experiences from Focus Groups. *Journal of Environmental Management*, vol. 90, no 2, pp. 760–771.

- Robinson G.M., Read A.D. (2005) Recycling Behavior in London Borough: Results from Large-scale Household Surveys. *Resources, Conservation and Recycling*, vol. 45, no 1, pp. 70–83.
- Sayer A. (2007) Moral Economy as Critique. *New Political Economy*, vol. 12, no 2, pp. 261–270.
- Sen A. (1987) *On Ethics and Economics*, Oxford: Blackwell.
- Sen A. (2005) Why Exactly Is Commitment Important for Rationality? *Economics and Philosophy*, vol. 21, no 1, pp. 5–14.
- Shabanova M. (2012) *Sotsioekonomika* [Socioeconomics], Moscow: Ekonomika.
- Shabanova M.A. (2015) Etichnoe potreblenie v Rossii: profili, faktory, potentsial razvitiya [Ethical Consumption in Russia: Profiles, Factors, and Perspectives]. *Voprosy Ekonomiki*, no 8, pp. 123–142.
- Shaw P.J., Maynard S.J. (2008) The Potential of Financial Incentives to Enhance Householders' Curbside Recycling Behavior. *Waste Management*, vol. 28, no 10, pp. 1732–1741.
- Smith A. (1997/1759) *Teoriya nravstvennykh chuvstv* [The Theory of Moral Sentiments], Moscow: Respublika.
- Starr M.A. (2009) The Social Economics of Ethical Consumption: Theoretical Considerations and Empirical Evidence. *Journal of Socio-Economics*, vol. 38, no 6, pp. 916–925.
- Stehr N. (2008) The Moralization of the Markets in Europe. *Society*, vol. 45, no 1, pp. 62–67.
- Trentmann F. (2007) Citizenship and Consumption. *Journal of Consumer Culture*, vol. 7, no 2, pp. 147–158.
- Vanberg V.J. (2008) On the Economics of Moral Preferences. *American Journal of Economics and Sociology*, vol. 67, no 4, pp. 605–628.
- Videras J., Owen A.L., Conover E., Wu S. (2012) The Influence of Social Relationships on Pro-environment Behaviors. *Journal of Environmental Economics and Management*, vol. 63, no 1, pp. 35–50.